

ваться соотношением притчи только с такой общою схемой, а не с каким-либо определенным текстом.

Иногда же на тексте Сумарокова отразились разом несколько различных вариантов одной и той же фабулы, как например в третьей из притч о змее и крестьянине. Первая из них — «Прохожий и змея» (1756, кн. VI, № 16)¹ следует басне Эзопа и Бабрия, известной у нас в прозаических переводах П. Кашинского (1675 г.), С. Волчкова (1747 г.) и стихотворном — В. Третьяковского (1751 г.). Вторая — «Змея согретая» (кн. IV, № 8) — передает вариант Федра, басни которого в 1764 г. переведены И. Барковым. И, наконец, третья — «Змея и мужик» (1769, кн. VI, № 60), более чем за сто лет до того пересказанная А. Виниусом (1674), представляет гротескную переработку как бы суммарного опыта Эзопа, Федра и Лафонтена, с наибольшей текстуальной близостью к рассказу французского баснописца. Причем о знакомстве со всеми этими вариантами говорит и сам Сумароков:

Змея ползла,
И как она ни зла
И жестока укуской,
Но злей ее мороз, —
Гораздо от него бывает больше гроз.
Замерз червяк: мороз был его русской,
Не греческой и не французской,
Не римской; в истину мороз был его русской;
Пусть Федр о том писал, де Лафонтен, Есон:
Застыл у червяка и хвост и лоп;
Так русской был мороз, могли замерзнуть губы
И барабанить зубы...

Подчас же сюжетно-текстуальное сближение сумароковских притч с их источниками оказывается затруднительным также от весьма своеобразного обращения Сумарокова с заимствованными фабулами. Однако в большинстве своем «переводные» басни Сумарокова вполне могут быть соотнесены с достаточно определенными источниками и даже конкретными текстами.

Обследование сюжетных источников притч Сумарокова, хотя и далеко не исчерпывающе, выполнено К. Заусцинским, пришедшим к выводу, что «большая часть басен Сумарокова — переводные. Переводил он Федра, Эзопа и Лафонтена, но все басни в его переводе теряют свой характер и получают у него русский национальный колорит».² Заусцинским же был составлен указатель этих заимствований, в котором, кстати, оговариваются и самые броские «изменения, которые он (Сумароков) счел нужными сделать при переводе или переделке иностранных басен».³

Однако не все сопоставления Заусцинского достаточно основательны или справедливы и отсылают подчас совсем не к ближайшим вариантам заимствованных Сумароковым фабул. Точно так же не всегда оправданно в обширную категорию творческих переделок Сумарокова зачислялось все, что не укладывалось в наиболее ходовые варианты традиционных схем, а принадлежало просто не обнаруженному Заусцинским источнику. Поэтому указания Заусцинского совсем не обязательно отсылают к сюжетно-текстуальным источникам притч Сумарокова, нередко будучи

¹ Здесь и далее тексты притчей цитируются по изд.: А. П. Сумароков, Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе, чч. VII и IX. М., 1787. (В скобках, в тексте, год написания притчи и ее номер).

² К. Заусцинский. Басни Сумарокова. — Варшавск. универс. известия, 1884, № 3 и № 5, стр. 96.

³ Там же, стр. 97.